
НА ГРАНИ ВЕКОВ

Т. Ф. СТОЛЯРОВА

ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР АНТИГЛОБАЛИЗМА И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ГРАНИ ВЕКОВ

Глобализация в современном сознании этносов отождествляется (и не без оснований) с вестернизацией и даже уже с американизацией, то есть с той ее моделью, которая возобладали на нынешнем этапе. Этим нередко объясняют тот факт, что каждый шаг глобализации вызывает волну этнического сопротивления и порождает межэтнические конфликты.

Тем не менее глобализация представляет необходимый и закономерный процесс (Гринин 2005). Не только интеграция экономики, но и реализация экологического императива требует появления у любых общественных устройств неких общих черт в организационных структурах. Определенная унификация возникает даже независимо от требований стандартизации, которые являются следствием экономической, финансовой и т. п. интеграции. Еще Н. Н. Моисеев показал, что выжить человечество может, только обретя общие стандарты в своих взаимоотношениях с Природой.

С точки зрения социоестественной истории – истории взаимоотношений человека и природы, в основе которой триединство природа – хозяйство – ментальность, современная глобализация – закономерный процесс, связанный с происходящим в масштабах всей планеты переходом от аграрно-традиционалистского общества к обществу урбаносциентистскому. Этот переход не только предполагает изменения характера и масштабов взаимодействия общества и природы, но и стимулирует развитие тесных много-образных

связей между различными этносами, суперэтносами и цивилизациями. Исчерпанность условий для экстенсивного развития (прежде всего ограниченность природных ресурсов) резко сужает сферу существования относительно независимых локальных обществ, втягивая их в более масштабные глобальные процессы. Однако стремительно растущее транспортное, финансово-экономическое, информационное единство Земли не сопровождается культурной, ценностной глобализацией. По выражению Г. Померанца, «над этой единой землей нет общего неба» (Померанц 2001: 103). То есть нет системы ценностей, которая объединяла бы различные этносы и суперэтносы; этническое (и религиозно-этническое) сопротивление пытается отстаивать святыни, которые в порошок стирает социально-экономическая глобализация.

Согласно социоестественной истории (СЕИ), системы ценностей, формировавшиеся на протяжении веков и тысячелетий и служившие своеобразными «генетическими кодами» различных культур и цивилизаций, в современных условиях испытывают мощное давление двух основных факторов: дефицита природных ресурсов и стихийных процессов глобализации (Кульпин 1995б; 1997). Оба фактора требуют перехода к новым интенсивным, высокопроизводительным технологиям, но традиционные системы ценностей этносов входят в противоречие с новым способом ведения хозяйства и новым образом жизни. Результат оказывается двояким. С одной стороны, попытки консервации или реставрации традиционной системы ценностей, не работающей в новых условиях, ведут к ее деградации или разрушению, провоцируют межэтнические конфликты, которые зачастую переносятся в политическую и военную сферы. С другой стороны, заимствование техники и технологий, новых социально-политических стандартов и институтов без соответствующего изменения системы ценностей малоэффективны (как показал еще в XIX веке Вл. Соловьев) и в итоге ведут к усугублению кризисных процессов, а значит, опять-таки, к усилению межэтнической конфликтности. Не нужно доказывать, какую угрозу для всего мира представляют локальные межэтнические конфликты, перерастающие в международные.

В комплексной задаче урегулирования межэтнических конфликтов главным звеном с точки зрения СЕИ является внедрение высокопроизводительных технологий в сельское хозяйство и промышленность при соответствующей адаптации к новым технологиям и новому образу жизни традиционного мировоззрения и системы ценностей этноса. В основе такой адаптации, на мой взгляд, и должна лежать некая глобальная система ценностей (общие святыни, общее «небо»).

Возможно ли взаимопроникновение этнического (локального) и вселенского (глобального)? Возможно ли вообще глобальное единство культуры (а значит, и глобальные ценности)? Г. Померанц положительно отвечает на этот вопрос, приводя в качестве доказательства возникновение доживших до наших дней четырех крупных культурных миров: христианского Запада, мира ислама, Индии и Дальнего Востока (Померанц, Курочкина 2000: 261–262). Он полагает их звеном в переходе от племенных и народных культур к вселенской (Померанц 2001: 101–125). О возможностях межэтнического ценностного и культурного синтеза свидетельствуют и исследования в области социоестественной истории Э. С. Кульпина (Кульпин 1995а: 163–172; 2003).

Г. Померанц видит в диалоге культур средство создания общих (вселенских) ценностей, помогающих этносам адаптироваться к процессам глобализации. Но именно социоестественная история и в теоретическом, и в практическом отношении способна выявить возможности, конкретные пути и перспективы такой адаптации.

Исследования в области социоестественной истории констатировали и раскрыли суть современного *глобального социально-экологического кризиса*, который состоит в прогрессирующем общем ухудшении гидросферы (прежде всего Мирового океана), биосферы (в быстром сведении лесов, ухудшении качества почв, массовом исчезновении биологических видов, уменьшении их разнообразия и т. п.), в результате чего радикально меняются вмещающий ландшафт и условия жизни людей на планете. Множится число природных катастроф. По оценкам исследовательской организации «Geoscience Research Group», количество природных катастроф в 1997–1999 годах возросло на четверть по сравнению с началом последнего десятилетия XX века. В 1999 году в мире случи

лось 755 природных катастроф (в начале 1990-х ежегодно их происходило около 600). Исследователи отмечают тревожную тенденцию: всевозрастающую связь природных, экологических и техногенных катаклизмов. Такие комплексные катастрофы, когда одно стихийное бедствие порождает другое, получили название многоступенчатых или синергетических катаклизмов (например, в США выброс химических веществ, как оказалось, сопровождает каждую третью природную катастрофу, а землетрясение в Эквадоре (1987) стало причиной массовых оползней, которые разрушили 6 миль транс-эквадорского газопровода, нанеся экономический ущерб в 1,5 миллиарда долларов).

В. П. Казначеев (Казначеев 1991; Казначеев, Спирин 1995; Казначеев 1996) отмечает, что антропогенное вторжение в лито-, гидро- и биосферу планеты, в околоземное космическое пространство, в этнодемографические, духовно-ценностные и социальные структуры по своим количественным и качественным параметрам, по темпам и частотным характеристикам радикально противоречит естественной эволюции. В результате формируется «синдром утомления планеты Земля», проявляющийся в виде острых и хронических катастроф различной природы. Все это создает колоссальное напряжение биосферы, которое в некоторых регионах начинает приобретать непереносимый характер. Такое напряжение – один из неосознаваемых природных факторов межэтнических конфликтов, когда оно выливается в раздражение и ненависть к более благополучной цивилизации. Кроме того, существует определенный порог, за которым экологическое напряжение (отсутствие нормального локального жизненного пространства) вызывает необратимое разрушение системы ценностей; даже такая базовая ценность, как жизнь, исчезает, о чем свидетельствует растущее число смертников-террористов, чаще всего из регионов, неблагополучных в отношении социоприродных взаимодействий.

Сколь не осознанна реакция этноса на биосферное напряжение, столь не осознанна (в массовом сознании) и зависимость этого напряжения от низкого качества человека, у которого преобладает инструментальный разум (по выражению А. Назаретяна) над гуманитарным, точнее, технократический рассудок над разумом. В этом смысле этническое сопротивление глобализации (вестернизации в ее

сегодняшней модели) есть еще и проявление «инстинкта самосохранения» человечества, облаченного в этническую форму, ибо глобализующиеся техногенные ценности вытесняют культурно-духовные, тогда как сами они вторичны по отношению к последним и не самостоятельны. Причиной межэтнических конфликтов становится не только противоречие традиционных ценностей и новых технологий, но и интуитивный протест против техногенных ценностей, разрушающих духовную культуру, против техногенной (богатой) западной цивилизации. США, как искусственной цивилизации, сформировавшейся в эпоху доминирования техногенного развития, подобный «инстинкт самосохранения» свойственен менее всего, их властвующая элита вообще недооценивает роль ценностей, сложившихся в ходе тысячелетнего естественного развития этносов, и потому не боится их разрушения, тогда как деградация базовых этнических ценностей представляет угрозу для всего человечества.

Ценностный аспект антиглобализма и межэтнических конфликтов является интегрирующим по отношению ко всем остальным: экономическому, социально-политическому и т. п. Природные факторы жизнедеятельности этносов действуют опосредованно через систему ценностей. СЕИ, восстанавливая связь ценностных ориентаций с природными факторами в каждом конкретном случае, способствует осознанию того, какие традиционные ценности и технологии связаны с природными и хозяйственными особенностями прошлого, особенностями, которых больше нет и отстаивание которых поэтому бессмысленно и бесплодно.

Анализ доминирующих ценностей и их динамики в различных регионах мира проводится различными западными и отечественными социологами, культурологами и политологами, но, как правило, в отрыве от изучения других параметров общественного развития. Исследования в области СЕИ в силу их синергетической методологии носят более комплексный характер, вследствие чего могут раскрыть, что именно в локальных системах ценностей способствует формированию общечеловеческих смыслов (общего «неба»), а что, напротив, противоречит ему.

И, наконец, создание общих святынь, общей системы базовых ценностей, без которой невозможен адекватный совместный ответ на глобальный экологический вызов, требует, на мой взгляд, рас

ширения понятия вмещающего ландшафта, географической Среды до общепланетарных масштабов, до биосферы в целом. Как ни парадоксально, растущее финансово-экономическое, социально-политическое, информационное единство не сопровождается пониманием географического единства. То, что отныне вмещающим ландшафтом любого народа является не только его локальная природная Среда, но и вся земная биосфера, не ощущается ни так называемыми развитыми странами, ни развивающимися и остальными (в последнем случае по вполне понятным причинам).

В первом случае об этом говорят до сих пор существующие в развитых странах попытки разрешения экологического кризиса путем массового перемещения в результате глобализации наиболее грязных технологий и производств из «центра» мир-системы на периферию и полупериферию. В случае развивающихся и отсталых стран это выражается в упорном нежелании адаптировать традиционные ценности к новым условиям и переходить к новым высокопроизводительным технологиям. Решить проблему перехода к новым технологиям могут только сами этносы, но в современных условиях это возможно только при финансовой, организационной и культурной помощи извне. Осознание биосферного (географического) единства способствовало бы большей эффективности и адекватности такой помощи со стороны развитых стран, поскольку тогда проблемы отсталых народов воспринимались бы элитами этих стран как *свои собственные* (каковыми в нынешних условиях, по сути, они и являются).

Ныне становится все более очевидной непродуктивность и опасность геополитики в решении вопросов, связанных с природными факторами. Геополитика – устаревшее проявление географического детерминизма, не отвечающее современному представлению о биосфере Земли, о всем земном пространстве как о вмещающем ландшафте любого локального этноса. Такому представлению более соответствует геоэкономика, которая не связывает напрямую развитие общества с природными факторами, а опосредует его системой мобилизации и распределения ресурсов (Лапкин, Пантин 1999: 54–58). Эффективная система мобилизации ресурсов позволяет решать ресурсную проблему без военных конфликтов. Геоэкономика – современное, более плодотворное выражение

«рационального зерна» географического детерминизма, ибо она отражает тот факт, что в условиях тесных общемировых взаимодействий нет жесткой зависимости уровня развития страны от ее непосредственных (локальных) природных условий (примером может служить бедная природными ресурсами Япония). Новая ситуация пока осознается с большим трудом. Например, отталкивание некоторых стран СНГ от России, стремление к интеграции, в первую очередь, со странами Западной Европы (Украины с Польшей, Молдавии с Румынией и т. д.) оправдывалось, в частности, геополитическими интересами, тогда как геоэкономические интересы (сходные типы экономик, связь экономик, ориентация на внутренний рынок и т. п.) обуславливали необходимость интеграции с Россией.

Осознание географического единства объективно лежит в основе формирования общечеловеческой системы базовых ценностей, и потому постепенно способно радикально изменить все взаимоотношения народов мира в направлении сотрудничества, а не конфронтации, однако, как процесс будет происходить во времени и пространстве, предугадать затруднительно. Современная Россия пока не может «вписаться» в новую геоэкономическую ситуацию, заставить «работать на себя» мировые технологические и финансовые потоки; вместо этого российская элита продолжает проводить устаревшую, неадекватную современным условиям и губительную в экологическом отношении политику вывоза сырья и вооружений, что не ослабляет, а лишь усиливает социально-экологический кризис в России.

С точки зрения СЕИ смягчение нынешнего социально-экологического кризиса в России возможно, прежде всего, на путях постепенной трансформации системы ценностей российского суперэтноса в соответствии с новыми условиями, которые сложились в мире и внутри страны. Общий механизм, вскрываемый СЕИ, заключается в следующем: экологический кризис приводит к смене системы ценностей, та, в свою очередь, побуждает к созданию новых технологий и техники, которые требуют соответствующих изменений форм социально-политической организации. В этой связи важно заметить, что, как показывает опыт Японии, «драконов» ЮВА и отчасти Китая, доминирующее значение Государства в сис

теме ценностей российского суперэтнуса, само по себе не является препятствием для динамичного развития в современных условиях в том случае, если ценность Государства соединена с высокой ценностью Труда, Закона, Эквивалента. Все дело в том, как понимается роль государства в современном обществе – как ориентирующая и интегрирующая индивидуальные и групповые усилия или как подавляющая личность и индивидуальность во имя незыблемости Государства, совершающего внешнюю экспансию. В первом случае общество и государство оказываются более адаптированными к быстро меняющейся современной геоэкономической ситуации, во втором случае общество и государство оказываются совершенно к ней не приспособленными.

Таким образом, одним из ключевых пусковых механизмов перехода России к более эффективному интенсивному типу развития может стать, прежде всего, изменение взаимоотношений между обществом и государством, которому, в свою очередь, должны предшествовать изменения в системе ценностей, пересмотр роли государства в общественных и природных процессах, а также взаимоотношений между государством и личностью. Ускорить эти необходимые изменения в системе ценностей, как представляется, может не столько прямое обращение к политикам и государственным деятелям, сколько активное распространение идей СЕИ среди интеллектуальной элиты, в системе образования и средствах массовой информации.

Литература

Гринин, Л. Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1.

Казначеев, В. П.

1991. *Феномен человека: космические и земные истоки*. Новосибирск.

1996. Концепция устойчивого развития и современная геополитическая ситуация. *Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы*. Т. 1. Красноярск.

Казначеев, В. П., Спиринов, Е. А. 1991. *Космопланетарный феномен человека: проблема комплексного изучения*. Новосибирск.

Кульпин, Э. С.

1995а. *Путь России*. М.

1995б (ред.). *Генетические коды цивилизаций* (Серия «Социоестественная история». Вып. IV). М.: Московский лицей.

1997 (ред.). *Билль о правах человека* (Серия «Социоестественная история». Вып. IV). М.: Ин-т востоковедения РАН.

2003. Эволюция ментальности россиян. *Природа и ментальность*. (Серия «Социоестественная история». Вып. XXIII) (с. 9–25). М.: Московский лицей.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 1999. Геоэкономическая политика: предмет и понятия. *Полис* 4.

Померанц, Г., Курочкина, М. 2000. *Тринитарное мышление и современность*: Сборник статей. М.

Померанц, Г. С. 2001. Культ этики или диалог культур? *Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара*. Вып. 6. М.